

Уничтожение материалов по результатам проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий: необходимость или «так повелось»?

Анализируются нормы ч. 7 ст. 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» с позиций их корректности и утилитарности. Оценивается влияние исследуемых положений на правоприменительную практику, предлагается авторское видение их содержания.

Ключевые слова: закон, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, материалы, уничтожение, корректировка.

Destruction of materials as a result of some active search measures: necessity or "such is the custom"?

The article analyzes the norms of part 7 of art. 5 "Respect for human and civil rights and freedoms in the implementation of operational-search activity" of the Federal Law "On Operational-Search Activity" with regard to their correctness and utility. The influence of the studied provisions on law enforcement practice is assessed and the author's vision of their content is proposed.

Keywords: law, operational-search activity, operational-search measures, materials, destruction, correction.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) в целом как основополагающий нормативный правовой документ, регулирующий осуществление оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), и его отдельные положения неоднократно становились предметом научного анализа [1–4]. При этом значительная часть исследователей уделяли существенное внимание проблемам соблюдения прав и свобод человека и гражданина в рамках сыскного противодействия преступности. Не ушел от этого и автор настоящей статьи [5, 6].

Вместе с тем, несмотря на внесение в ст. 5 пяти изменений (в период с 1999 по 2007 г.), существующие проблемы нормативного правового регулирования соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД серьезно не уменьшились и по-прежнему осложняют работу оперативных подразделений в этой сфере.

С учетом значительного количества представленных в статье норм (в статье содержится четырнадцать предписаний, помещенных в десять частей) мы ограничимся проработкой лишь отдельных из них, в частности, помещенных в ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД и касающихся

результатов некоторых оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Для этого сначала наглядно представим содержащиеся в ней три установления: «Полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год, а затем уничтожаются, если служебные интересы или правосудие не требуют иного. Фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются в течение шести месяцев с момента прекращения прослушивания, о чем составляется соответствующий протокол. За три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на основании судебного решения, об этом уведомляется соответствующий судья».

Первое из них указывает на то, что материалы, содержащие результаты ОРМ, проведенных в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана, уничтожаются по истечении одного года хранения,

если правоохранные интересы не требуют иного.

Для осознания существа этого положения необходимо, на наш взгляд, найти ответы на следующие вопросы:

1. Что в исследуемом контексте означает выражение «лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке»?

2. Почему материалы, полученные в результате проведения ОРМ, должны уничтожаться?

3. Чем обусловлен указанный в законе срок хранения документов?

4. Реальны ли и как должны работать условия сохранения материалов?

5. Каков смысл уведомления соответствующего судьи о предстоящем уничтожении материалов по результатам ОРД?

Чтобы ответить на первый из поставленных вопросов, сначала следует понять, принадлежит ли данная фраза исключительно уголовно-процессуальной материи.

Для этого предположим, что в исследуемом законе речь идет исключительно об ОРД. Тогда анализируемая фраза может означать ситуацию, в которой в рамках оперативной проверки или разработки выявлено лицо, совершившее конкретное преступное деяние, и собраны достаточные сведения о его причастности к криминальному событию.

Можно ли в этом случае говорить о доказанности в установленном порядке виновности лица? Представляется, что нет.

Во-первых, Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) в своих решениях неоднократно отмечал, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности", могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона» [7].

Во-вторых, согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ «собираение доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом», а в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут

быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса».

В-третьих, в соответствии с ч. 1 ст. 14 УПК РФ «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». В ст. 73 УПК РФ под установлением «виновности» понимается факт выявления лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, и доказанность того, что данный индивид может выступать в качестве субъекта преступления (а значит, должен быть подвергнут уголовному преследованию).

Кроме того, ст. 24 УПК РФ содержит основания для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, а ст. 27 УПК РФ – основания для прекращения уголовного преследования. Не вдаваясь в подробное их исследование, следует отметить, что с процессуальных позиций невиновным лицом может быть признано по нескольким различным основаниям, начиная от отсутствия события самого преступного деяния и заканчивая непричастностью лица к его совершению [8].

Таким образом, завершая ответ на первый вопрос, мы можем сделать вывод, что сведения, полученные (добытые) с нарушением требований УПК РФ, предъявляемых к доказательствам, таковыми (доказательствами) быть не могут.

Ответ на вопрос «Почему материалы, полученные в результате проведения ОРМ в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, следует уничтожать?» тоже нуждается в аргументации.

С одной стороны, Конституция РФ в ряде положений гл. 2 транслирует правовую позицию о неприкосновенности частной жизни человека. Так, в ч. 1 ст. 23 отмечается, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну...», а в ч. 1 ст. 24 определяется, что «хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается».

В ряде решений КС РФ по этому поводу разъясняется, что «право на неприкосновенность частной жизни (статья 23, часть 1 Конституции Российской Федерации) означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного харак-

тера. В понятие "частная жизнь" включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер» [9]. «Данный Федеральный закон не допускает сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни проверяемого лица, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и другими законными задачами и основаниями оперативно-розыскной деятельности» [10].

В развитие конституционных положений в ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД помещено предписание, согласно которому «органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается: ...разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами».

На первый взгляд, ответ на вопрос о необходимости уничтожения результатов ОРД можно было бы завершить, аргументируя это обеспечением неприкосновенности частной жизни лица, если бы не понимание того, что исследуемая норма закона обязывает уничтожать материалы, касающиеся конкретного индивида, безотносительно того, являются ли эти материалы сведениями о частной жизни или нет. А поэтому дать окончательный и, главное, точный ответ на второй из поставленных нами вопросов не представляется возможным.

Что касается рассмотрения указанного в законе срока хранения документов по результатам проведения ОРМ в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, то он также вызывает некоторые вопросы: почему законодатель установил именно этот срок для хранения и последующего уничтожения материалов оперативно-розыскного производства? Как это сочетается с документами в области ОРД, например, принятыми МВД России?

В соответствии с внутренней правовой регламентацией МВД России срок ведения дел оперативного учета (далее – ДОУ) территориальными органами исчисляется двумя годами с возможным продлением еще на один год, а в случае возбуждения уголовного дела по ма-

териалам ДОУ – до вынесения приговора (т.е. неопределенный срок).

Используя для анализа небезызвестный ситуационный подход [11], представим себе, что оперативным подразделением осуществляется оперативная разработка по факту подготовки или совершения преступления группой лиц. При этом в рамках ОРД с целью проверки указанных лиц на причастность к преступному деянию проводятся различные ОРМ и иная работа, результаты которой документируются и помещаются в ДОУ. По прошествии определенного времени (допустим, одного года) вина некоторых из них оперативным путем подтверждена, материалы в установленном порядке переданы следователю, что позволяет привлечь их к уголовной ответственности. Совершенно очевидно, что в соответствии с рассматриваемым положением ФЗ об ОРД документы в отношении иных участников группы должны быть незамедлительно уничтожены. Но ведь фактически работа по ДОУ не завершена – сыщики еще до двух лет, а в случае возбуждения уголовного дела по результатам ОРД – до вынесения приговора могут продолжать разработку оставшихся членов группы с целью установления их причастности (или непричастности) к преступной деятельности. Если же согласно положению ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД уничтожить собранные в течение года материалы, свидетельствующие пока лишь о наличии контактов между членами группы, в том числе причастными к криминальным событиям, вполне возможно, что важная информация, впоследствии могущая быть использованной в процессе доказывания, безвозвратно исчезнет, не позволяя сотрудникам оперативного подразделения обратиться к ней в дальнейшем.

По завершении разработки ДОУ прекращаются и в соответствии с одним из приказов МВД России помещаются на архивное хранение в специальный фонд информационного центра территориального органа внутренних дел по субъекту Федерации, где они хранятся в течение пяти лет. Поскольку процедуры систематизации материалов и помещения их в дела жестко регламентированы, представляется весьма сомнительной возможность предварительного изъятия оттуда ряда документов и их уничтожения.

И еще одно. Все такие документы имеют определенный гриф секретности. А это означает, что уничтожение рассматриваемых материалов должно осуществляться по правилам секретного делопроизводства, которые доста-

точно сложны в реализации и отнимают значительную часть времени сотрудника, основное предназначение которого – борьба с преступностью.

Таким образом, проведенный предметный анализ приводит нас к заключению о непрактичности логики законодателя, установившего не только такой срок хранения результатов ОРД, но и необходимость их уничтожения.

Вопрос о реальности и процедуре реализации условий сохранения упомянутых в законе материалов также нуждается в определенном исследовании по нескольким причинам.

Во-первых, в норме представлены два условия сохранения результатов ОРД, которые в упрощенном виде выглядят так: наличие служебной необходимости или заинтересованности судебных органов.

Во-вторых, присутствие в статье положения о необходимости уничтожения по истечении шести месяцев хранения с момента прекращения прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, фонограмм и других материалов, о чем составляется соответствующий протокол.

В-третьих, указание о том, что за три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты ОРМ, проведенных на основании судебного решения, об этом уведомляется соответствующий судья.

С учетом ограниченного объема настоящей работы попытаемся оценить их тезисно.

Условие сохранения материалов оперативно-розыскного производства «в связи со служебной необходимостью» активно используется в оперативно-розыскной практике. При необходимости сохранения таких документов оперативный сотрудник готовит на имя руководителя органа, осуществляющего ОРД, рапорт. В нем он указывает причины, по которым уничтожение результатов ОРД противоречит целям и задачам ОРД, и просит санкционирования дальнейшего хранения материалов (в ДОО, по которому ведется работа, или в находящемся на архивном хранении).

Что касается указания на возможность заинтересованности правосудия в сохранении результатов ОРД, то мы, во-первых, не имеем данных о подобной практике, во-вторых, не находим аргументов, подтверждающих необходимость такого решения. Дело в том, что правосудие осуществляется по уголовному делу, а документы, о которых ведется речь, никакого отношения к нему не имеют. Проще говоря, если в отношении указанных лиц в возбуждении

уголовного дела отказано или уголовное дело прекращено, оно не дойдет до суда, а значит, у последнего не будет оснований для принятия решения о сохранении каких-либо материалов. Если все же уголовное дело будет прекращено в суде, то и в этом случае материалы оперативно-розыскного производства для судьи не будут представлять никакого интереса.

Следующее положение определяет шестимесячный срок уничтожения фонограмм и других материалов по результатам завершения прослушивания телефонных и иных переговоров.

Во-первых, в ч. 4, 5 ст. 8 ФЗ об ОРД наряду с телефонными переговорами упоминаются иные. До принятия изменений в перечень ОРМ, в рамках которых могут ограничиваться конституционные права личности [12], к ним традиционно относилось ОРМ «Снятие информации с технических каналов связи». В связи с отсутствием нормативных разъяснений о сути ОРМ «Получение компьютерной информации» (они скрываются от правоприменителя системы МВД России уже в течение пяти лет) включать его в рассматриваемом предписании в иные переговоры полагаем преждевременным.

Во-вторых, большинство аргументов, использованных нами при описании требования об уничтожении документов по результатам проведенных ОРМ, вполне подходит и для этого случая.

И, наконец, последнее. Предписание о том, что «за три месяца до дня уничтожения материалов, отражающих результаты оперативно-розыскных мероприятий, проведенных на основании судебного решения, об этом уведомляется соответствующий судья» тоже требует некоторых пояснений.

Во-первых, использованная законодателем и анализируемая нами фраза позволяет судить, что данное предписание в части уничтожения материалов по результатам ОРД касается всех ОРМ, а не только телефонных и иных переговоров. Возвращаясь к мысли о нелогичности законодательного установления о необходимости уничтожения любых материалов оперативно-розыскного производства, если они не пригодились в доказывании вины конкретного индивидуума, мы полагаем, что такая же судьба должна постигнуть и материалы, образовавшиеся в процессе проведения ОРМ «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» в отношении жилища и, наконец, «Получение компьютерной информации».

Во-вторых, не совсем понятен смысл уведомления судьи о предстоящем уничтожении документов. Например, в ряде актов КС РФ применяется словосочетание «последующий судебный контроль» [13], который, как представляется, выступает гарантией правомерности принятого същиками решения или осуществления каких-либо действий. Но что может гарантировать судья в нашем случае? Что мы не забыли о необходимости уничтожения рассматриваемых материалов в указанный в законе срок? Что мы исполняем формальные предписания закона относительно заведомого уведомления судьи о последующем уничтожении результатов ОРД? Но ведь он все равно не обладает функцией по проверке наших последующих шагов.

В-третьих, почему срок уведомления судьи о предстоящем уничтожении документов оперативно-розыскного производства определен как «за три месяца до дня уничтожения материалов»? Что изменится, если в законе указать иной срок (например, один или два месяца)?

И, наконец, о чем уже упоминалось выше, документы оперативно-розыскного производства по большей части содержат сведения, составляющие государственную тайну. Их уничтожение оформляется решением специально созданной для этого комиссии (в составе не менее трех человек) по акту, утвержденному руководителем органа, осуществляющего ОРД, о чем по завершении работы делается соответствующая запись. Насколько необ-

ходимо и, самое главное, продуктивно такое уничтожение?

Это вопросы, не дающие возможности дать на большинство из них четкие ответы. Каким же, на наш взгляд, представляется выход из описанной в работе ситуации? Полагаем, рассматриваемая совокупность норм нуждается в оптимизации, одним из вариантов которой может быть изложение ее содержания в следующей редакции:

«Полученные в результате проведения оперативно-розыскных и иных оперативных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся в течение срока оперативной проверки или оперативной разработки, определенно нормативными правовыми актами органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, а затем уничтожаются, если правоохранительные интересы не требуют иного. Фонограммы и другие материалы, полученные в результате оперативного контроля электрических сетей связи лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются по завершении оперативной проверки или оперативной разработки, о чем составляется соответствующий протокол» [14].

Именно такой подход, по нашему мнению, с одной стороны, даст возможность устранить выявленные и отмеченные в настоящей работе недочеты, с другой – позволит упростить процедуры, заложенные в ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД.

1. Шумилов А.Ю. *Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»*. М., 2007.

2. Барабанов Н.П., Михайлин В.В. *Сравнительный анализ отдельных норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и уголовно-процессуального законодательства // Человек: преступление и наказание*. 2016. № 2(93).

3. Ходанов А.И., Мокров Г.В. *Некоторые вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Закон и право*. 2019. № 3.

4. Железняк Н.С. *Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»*. Красноярск, 2019.

5. Железняк Н.С. *О проблемах законодательного регулирования судебного ограничения конституционных прав граждан в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик)*. 2009. № 1(18).

1. Shumilov A.Yu. *Commentary on the Federal Law "On Operational-Search Activity"*. Moscow, 2007.

2. Barabanov N.P., Mikhailin V.V. *Comparative analysis of individual norms of the Federal Law "On Operational-Search Activity" and Criminal Procedure Law // Man: crime and punishment*. 2016. No. 2(93).

3. Khodanov A.I., Mokrov G.V. *Some issues of legal regulation of the operational-search activity of the internal affairs bodies // Zakon i pravo*. 2019. No. 3.

4. Zheleznyak N.S. *Issues of updating the Federal Law "On Operational-Search Activity"*. Krasnoyarsk, 2019.

5. Zheleznyak N.S. *On the problems of legislative regulation of judicial limitation of the constitutional rights of citizens in operational-search activity // Operative (detective)*. 2009. No. 1(18).

6. Zheleznyak N.S., Vasiliev A.D. *"Black holes" and "white spots" of the Federal Law "On*

6. Железняк Н.С., Васильев А.Д. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: юридические и лингвистические аспекты. Красноярск, 2009.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2017 г. № 2723-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

8. Калугин А.Г. К вопросу о классификации оснований для прекращения уголовного преследования // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сб. ст. по материалам межвуз. науч.-практ. конф. Омск, 2006.

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. № 248-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

10. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

11. Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Барнаул, 2009.

12. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Трифоновой Валентины Степановны на нарушение ее конституцион-

Operational-Search Activity": legal and linguistic aspects. Krasnoyarsk, 2009.

7. On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Andrey Yuryevich Davletov on violation of his constitutional rights by article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Dec. 19, 2017 No. 2723-O. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 20.04.2021).

8. Kalugin A.G. On the issue of classification of grounds for termination of criminal prosecution // Improvement of norms and institutions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: proc. of the interuniv. sci. and practical conf. Omsk, 2006.

9. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Zakharkin Valery Alekseevich and Zakharkina Irina Nikolaevna on violation of their constitutional rights by paragraph "b" of part three of article 125 and part three of article 127 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. June 9, 2005 No. 248-O. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 20.04.2021).

10. In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On Operational-Search Activity" on the complaint of citizen I.G. Chernovaya: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 14, 1998 No. 86-O. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 20.04.2021).

11. Davydov S.I. A situational approach in the theory and practice of the operational-search activity of the internal affairs bodies. Barnaul, 2009.

12. On amendments to the Federal Law "On Countering Terrorism" and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety: fed. law d.d. July 6, 2016 No. 374-FL. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 20.04.2021).

13. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valentina Stepanovna Trifonova on violation of her constitutional rights by paragraph 3 of part one of article 6 and paragraph 1 of part one of article 15 of the Federal Law "On Operational-Search Activity": determination of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. July 15, 2004 № 304-O. Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (date of access: 20.04.2021).

ных прав пунктом 3 части первой статьи 6 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. № 304-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2021).

14. Железняк Н.С. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: проект. Красноярск, 2012. Ст. 20.

14. Zheleznyak N.S. Federal Law "On Operational-Search Activity": draft. Krasnoyarsk, 2012. Art. 20.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Железняк Николай Семенович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Сибирского юридического института МВД России; e-mail: zhnc21@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

N.S. Zheleznyak, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Operational-Search Activity of the Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zhnc21@mail.ru
